

ОКОЛО ТРЕХ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

Неизвестная история

Лидии было пятнадцать. Она стояла по пояс в воде, чтобы хищники не почуяли запаха ее крови. Когда после многочасовых мук неудержимая сила вытолкнула из нее ребенка, Лидия увидела, что это девочка с короткой левой рукой и скрюченной кистью, на которой недоставало двух пальцев.

Неподалеку в поле, задрав морды к небу, выли шакалы. У реки шелестели листвой на ночном ветре тополя. Глухо ухали совы. А Лидия все смотрела на ручку младенца и думала, что ей с усталости померещилось. Пошатываясь, она добралась до берега, выкарабкалась на сушу, протерла глаза и взглянула еще раз. И еще.

Ей не померещилось.

— Ох, малышка! Ну, тише, тише, — прошептала она, прикладывая мокрую девочку к груди. Лидия решила дать ей имя Зиссель — «сладкая», потому что та родилась в чистой пресной воде источников, которые, словно дар божий, чуть поодаль пробивались из-под земли.

Позже Лидия не раз спрашивала себя: быть может, она и виновата в том, что Зиссель не разговаривает? Сама же нашептывала ей тогда: «Тише, тише».

Ибо слышать Зиссель слышала, но говорить не могла.

Известная история

Страной, что зовется ныне Израилем, правил некогда царь, о котором шла слава как о великом мудреце и человеке, обласканном своим богом. Имя ему было Соломон. Дворец его стоял в граде Сионе, и царь приказал построить там храм, столь огромный и роскошный, что предания о нем по сию пору передаются из уст в уста. Как у всех царей в те времена, было у Соломона множество жен, и жили они у него во дворце. И все же, объезжая свои владения, навещался он и к простым женщинам и девушкам. Дальнейшая участь этих женщин — и рождавшихся у них детей — царя нисколько не занимала. Не ведал он и о том, что пятнадцатилетняя Лидия родила от него дочь с короткой левой рукой и искривленной кистью без указательного и среднего пальцев. Лишь изредка позволял великий царь докладывать себе о сыновьях, что после его странствий появлялись на свет среди сдавленных криков боли, слез и проклятий.

От сыновей была польза: вновь и вновь сеять семя от царского семени и тем приумножать достославную мудрость Соломона. Знать своих незаконнорожденных отпрысков он не желал. Ему довольно было, что те, в ком текла его кровь, жили, работали в поте лица, сражались, занимались любовью и обзаводились потомством повсюду, до самых границ его царства.

Ибо это делало его в каком-то смысле бессмертным.

ЧАСТЬ I

До рождения Зиссель

Пусть Лидия и была еще совсем юной, она умела заставить себя уважать. Даже царь не забыл ее: когда он «почтил» ее высочайшим визитом, та, словно загнанная волчица, вцепилась зубами в его руку. Когда он вышел из дома Лидии к придворным, которые, позевывая, дожидались его в конце горбатого переулка под выцветшим запыленным балдахинном, рана все еще кровоточила. Рыча от гнева, он отмахнулся от предложенного ему паланкина, вскочил на одного из своих скакунов и умчался с развевающимися на ветру волосами и прямой спиной, дабы все знали: ни одна женщина, кусачая или нет, не способна умалить его мужественности.

Никто не смыл с порога капли царской крови. Они впитались в пористый камень, запеклись на солнце, превратились в черные пятна, и никакая щетка, ничья, даже самая усердная, рука не смогли бы их оттереть.

Вся деревня видела, что царь побывал в доме родителей Лидии, вся деревня знала, что произошло с девушкой. Черные пятна на пороге заклеили дом, и в конце концов Лидия решилась: закинула за спину узел с самым необходимым, прицепила к поясу кухонный нож да захватила крепкую палку — защищаться от диких зверей — и ушла.

Вскоре после этого ее мать умерла.

От стыда — злословили в деревне, но на самом деле от сыпного тифа: подхватила от сестры, когда та пришла ее утешить.

В ночь после похорон отец Лидии отправился на поиски своего старшего брата, когда-то ушедшего с кочевниками в пустыню, — надеялся обрести хоть какую-то семью, лишившись жены и дочери.

Спустя несколько недель из брошенного дома пропали кувшин, масляная лампа и ковер в цветистых узорах. За ними растащили и остальное. Через запятнанный порог поползли сорняки, пробрались скорпионы и сколопендры, и со временем от стен, где Лидию баюкали и лелеяли, остались одни руины.

Когда Лидия покинула дом, она уже восемь месяцев носила под сердцем ребенка. У нее были сильные руки, сильные ноги и сильный характер. С вечера до утра шла она за луной, а днем таилась от людей, что могли ее заневолить.

Голодного шакала, бросившегося на нее, когда она после пары ночей пути склонилась к воде попить, Лидия ударила по голове с такой силой, что он рухнул замертво — морда так и застыла в оскале. Девушка оттащила зверя от воды, содрала клоч шкуры и зажарила на костре кусок мяса. Остатки расхватили стервятники.

Она ела смоквы, клубни фенхеля, съедобные травы, кузнечиков и сладкие плоды кактуса, и все шагала за луной. Много ночей миновало, когда на рассвете Лидия вышла к месту столь чудесному, столь зеленому и мирному, что она опустилась на колени, раскинула руки и рассмеялась. Прохладные брызги окропляли ее лицо и руки, вокруг из-под земли сочилась и била, пенясь, прозрачная вода. Сверкая на солнце, влага собиралась в журчащие водопады и порог за порогом спускалась по склону к подножью горы, где струилась извилистой речушкой меж двумя селениями.

В одной из заводей Лидия вымылась с головы до пят и постирала одежду, отскоблив ее на большом валуне, где, к ее восхищенному изумлению, поблескивали зернышки кварца. Вокруг пели птицы, квакали лягушки, стрекотали сверчки. Казалось, она попала в рай — тот чудесный безмятежный сад, о котором мать, бывало, рассказывала, когда Лидии не спалось. Девушка прилегла отдохнуть

в тени и задумалась о матери. Представила себе ее, отца, родной дом. Мать стоит на пороге и в ожидании дочери вглядывается вдаль. Отец после всех событий только сильнее горбится да молчит больше обычного. Впервые с тех пор, как она ушла из дому, Лидия позволила себе погрузиться в мысли о том, как, должно быть, тревожатся о ней родители, и разрыдалась — взяли свое изнеможение и горечь из-за всего, что с нею стряслось.

Когда солнце поднялось выше, а тени стали короче, до ее слуха донеслись чьи-то голоса. Лидия подхватила одежду, разложенную на траве для просушки, и притаилась в тростнике. По склону, играя и крича, взбежали дети, а за ними неспешно поднялись женщины, молодые и пожилые, ведя на поводу ишаков. Они беседовали не тихо и робко, как женщины в ее родном селении, нет! Они шумно перекрикивались, смеялись громко и не таясь. Чтобы не замутить питьевую воду, женщины вымылись сами и выкупали детей ниже по течению. Затем выстирали одежду и, как Лидия, разложили ее на траве, одновременно приглядывая за детьми, чтобы те не приближались к водопадам. Закончив работу и обменявшись всевозможными новостями, они наполнили водой бурдюки из козлиной кожи, собрали постиранное и, напевая, зашагали вниз.

Мужчины у водопадов не появлялись.

Впрочем, нет. Когда женщины наконец скрылись из виду, пришел один. С длинной седой бородой и согбенной спиной. Его запыленные ноги были перебиты венами, руки дрожали. В надвигающихся сумерках он подставил под струи бурдюк, жадно напился и снова набрал воды до краев. Затем спустился ниже по течению, разделся и принялся мыть исхудалое тело. Спина его была исполосована глубокими шрамами, какие оставляет после себя кнут.

День клонился к вечеру. Старик оделся и со вздохом перекинул бурдюк через плечо. Лицо у него было спокойное, с темными, почти черными глазами и горбатым носом, от которого к уголкам рта расходились глубокие борозды.

Лидия вышла из укрытия.

Старик испуганно отпрянул.

Чтобы успокоить его, она тут же склонила голову и смиренно поздоровалась.

Поняв, что опасность ему не грозит, старик выжидающе посмотрел на девушку и кивнул в знак приветствия.

Обнадеженная, Лидия почтительно спросила:

— Неужели, отец, нет у тебя женщины, что носит тебе воду?

Старик посмотрел ей в лицо. По ее речи он понял, что девушка явилась сюда издалека, а глаза поведали ему, что она молода и прекрасна и вот-вот родит.

— Нет, — ответил он. — Жены моей давно уж нет на свете, а дочь умерла четыре луны назад.

— Я могу носить тебе воду. Могу готовить тебе. Могу держать твой дом в чистоте.

В своем голосе Лидия различила мольбу.

Услышал это и согбенный старец. Он стоял недвижно. С бороды капала вода. Хитон лип к мокрой спине.

Лидия подошла к нему и взяла бурдюк из его трясущихся рук.

— Я могу стать тебе дочерью, отец.

— Люди осудят нас, девочка из дальнего края.

Лидия знала, что он прав.

— Я могу стать тебе женой, — прошептала она.

Старик устал, жизнь сломала его. Он так и стоял, ошеломленный неожиданным предложением этой девочки разделить с ним жизнь и принести с собой ребенка. Ему вспомнился смех дочери, когда она была такой маленькой, что сидела у него на коленях и дергала его за бороду, вспомнилось, как легко было у него на сердце, как счастлив он тогда был. Сколько же с тех пор прошло лет!

Он посмотрел на Лидию.

Из-за деревьев к реке подкралась тьма, дневные звуки затихли. В кустах зашуршало, и оттуда, похрюкивая, вышел дикобраз. Люди глянули на него, но не сдвинулись с места.

Зачем он, старик, понадобился этой молодой девушке?

Ответ был очевиден.

Он может дать ей то, в чем она больше всего нуждается. Крышу над головой. Возможность выжить. Ее ребенку — шанс вырасти в безопасном месте. Защиту. Он коротко кивнул.

— Пойдем.

Старец повернулся и зашагал по тропинке. Лидия двинулась следом, изо всех сил стараясь не расплескать ни капли, хотя руки ее дрожали ничуть не меньше, чем его.

Как Зиссель в отцы достался старик

В речной долине у подножья горы, в которой брали начало источники, по обоим берегам стояли глинобитные домишки с земляным полом и мастерские. Один берег плавно переходил в бескрайнюю холмистую даль, а другой почти сразу упирался в каменистую подошву другой горы. Вот и прозвали люди один берег Низким, а второй — Высоким.

На Низком берегу ловили рыбу и засеивали пологие склоны холмов зерном. Местные жители держали скот и ухаживали за фруктовыми деревьями.

На Высоком берегу в оливковых рощах собирали обильный урожай и отжимали душистое масло, а за стены тамошней каменоломни, извиваясь, цеплялись виноградные лозы.

Но ничего этого Лидия не увидела: уже почти стемнело, и они со стариком недалеко ушли от источников. Они остановились у небольшого

селения на склоне горы, на самом краю которого у тропинки мостилась хижина старика. У входа лежала, медленно жуя, белая козочка с бородкой. Когда Лидия вслед за согбенным старцем переступила порог, та проводила ее взглядом.

Войдя, Лидия опорожнила бурдюк в кувшин, чтобы вода оставалась прохладной, повесила пустой бурдюк на стену, осторожно распрямила спину и осмотрелась. У очага, на котором стоит горшок, — две табуретки. Под потолком сушатся связки лука, чеснока и трав. Подле очага — плоский шлифованный камень, на нем миска. На стене висят верши и масляная лампа, в углу ложе, сплетенное из ветвей ивы и устланное соломой, а на нем — два покрывала из грубого льна и звериные шкуры.

Согбенный старец живет не в грязной лачуге и, судя по всему, вполне может сам о себе позаботиться. Или кто-то заботится о нем. «Женщина», — подумала Лидия, заметив птичьи перья и глиняные бусины, которые кто-то нанизал на льняную нить и повесил в качестве украшения.

Старик поймал ее взгляд.

— То моя дочь смастерила, перед смертью, — объяснил он. — Но ты садись. Как твое имя?

— Лидия, — ответила девушка. — А твое, отец? Как кличут тебя? — Она опустила на табуретку.

— Каменотесом.

Каменотес разлил по деревянным площадкам суп. Руки его дрожали, пара капель упала на пол.

Чтобы не обидеть его, Лидия притворилась, что не заметила. Одна плошка была простой, без украшений. На другой была вырезана кувшинка, ее-то старик и протянул Лидии.

Эта плошка когда-то принадлежала его дочери, поняла она.

Лидия заснула. Не беспокойным сном, как во время бегства, когда она лишь слегка дремала в тени кустарника, а глубоко, провалившись в сон, как в бездонную, безмолвную пропасть, не успев толком осмотреться и понять, где и как ей теперь предстоит жить.

Когда она наконец проснулась, в доме по-прежнему царил полумрак. Каменотеса не было. В очаге потрескивало пламя, пахло жареным мясом, на плоском камне стояли две деревянные плошки.

Лидия села и сложила руки на своем круглом, как шар, животе, в котором потягивалось царское дитя.

Закрывавшая вход циновка откинулась, и Каменотес вошел в дом. Увидев, что Лидия проснулась, он кивнул ей.

— Поедим, — сказал он. — Ты, должно быть, голодна — вон как спала, целую ночь и целый день.

Когда они наелись и утерли рот тыльной стороной ладони, Каменотес спросил:

— Где же отец твоего ребенка?

Лидия закусилa губу, опустила глаза и сложила руки на животе.

— Я не хотела... — запинаясь, ответила она. — Отец с матерью пытались остановить его...

— Царя?

— Да, Каменотес. Царя.

Старик поднялся и подошел к нише, которая находилась в таком темном углу, что Лидия ее еще не заметила. Откинув обрывок кожи, служивший занавеской, он вытащил из ниши сундучок.

Лидия не отрывала от него взгляда. Каменотес снова сел рядом и поставил сундучок себе на колени. Он хотел было что-то сказать, но не смог. Его губы дрожали, и Лидия с испугом увидела, что по глубоким морщинам к бороде покатались слезы. Руки его тряслись так сильно, что, протягивая Лидии сундучок, старик чуть не выронил свой груз. Девушка едва успела его подхватить. Она утвердила сундучок перед животом и, дождавшись кивка Каменотеса, откинула крышку.

Внутри на невысокой стопке тонкотканых простыней — в такие пеленают младенцев — лежал костяной гребень.

Хрипло, прерывисто Каменотес заговорил:

— Моя дочь умерла, рожая царское дитя, а с ней умер и младенец. Займи ее место, Лидия. Живи, и пусть живет и твой ребенок. Займи место моей дочери и знай: когда дням моим придет конец, все, что у меня есть, станет твоим.